

*Маргарита
Чечётко*

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Маргарита Владимировна Чечётко – преподаватель кафедры иностранных языков Западно-Казахстанского университета имени Махамбета Утемисова, кандидат филологических наук. Аспирантура МГУ, высшие режиссёрские курсы в Москве – только видимая часть «айсберга» саги о Маргарите. Она создательница студенческого театра, «написательница» методического пособия изучения иностранного языка посредством поэзии и драматургии.

Драматургия её собственных стихов неожиданна и известна только узкому кругу лиц. Думаю, читателям журнала будет небезынтересно познакомиться с творчеством сказавшей:

*«Если я смогла за жизнь свою потерять так много,
Это значит лишь то, что дано мне было не меньше».*

Тамара Шабаренина

ЦЕПОЧКА

Был человек на свете, которому в шутку надела
Я на руки с шеи цепочку – навеки теперь мой раб!
А он ответил, что это – лучшее в мире дело,
И что, ей-богу, этому он по-настоящему рад.

Он говорил: «Пойми же, мне ничего не надо,
Будь кем угодно – сестрою, возлюбленною, женой.
Прикосновенье пальцев – свет солнца, луны прохлады,
А ускользают пальцы – меркнет и свет дневной».

Он говорил: «Раскинусь дорожкой я к этой двери,
Ступай ты по мне, если хочешь, что б сделать ещё я мог?»

Как нас пленяет способность любить, преклоняться и верить,
Когда мы ее встречаем средь жизни своей дорог.
Тогда нам мнится: всё наше!

Вечность моя и полмира!
А мне тогда ещё не было и девятнадцати лет.
Но ужасом душу объяло: не сотвори кумира!
И жизнь мне открыла объятья, когда я сказала: Нет.

1962 год, Ленинград

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ И ШЕСТЬ МОНАХИНЬ

Шестеро благочестивейших католичек
Влезло на борт
 парохода «Эспань»
...Вместо известных симметричных мест.
Где у женщин выпуклость
 у этих выем
...Шесть дорожных вынимают
 евангелишек.
Придешь ночью –
Сидят и бормочут.

В. Маяковский. Шесть Монахинь

Шесть старых женщин в темных одеждах,
Со священным писанием в руках сухих,
Простите ему, крикуну и невежде,
И спесь, и скуку, и этот стих.

Он ваши фигуры окинул взглядом –
Его отвращал отреченья оскал.
Где выпуклости, мол, – ни груди, ни зада!
Ничего другого он в вас не искал.

Что можно сказать тут, не зная исхода,
Кто мы? И к каким мы плывем берегам?
Все мы пассажиры одного парохода.
Не касайтесь никогда непонятного вам.

Что можно уловить в океана качанье,
Отбросив заученность безбожных клише, –
Что, вот, придет он, час смертного отчаяния,
И не на что будет опереться душе?

...Год двадцать пятый.
Временные сдвиги и пространственные перспективы,
Мы летим свободно и взглядом всё можем объять.
Тридцать лет назад. Вот они – молоды и красивы.
А вот комната на Лубянке лет через пять.

Как мало зависит от нашей воли,
Хоть презреть усилия нет причин.
Простите ему – он погибнет от боли,
Не дожив до старости и морщин.

Ревущие стадионы давно отревели,
И что там кричалось, того уже нет.
А парус одинокий как белел, так и белеет,
И чудное мгновение помнит поэт.

Жизнь по-русски – существительное женского рода,
 Родственное женственностью Смерти и Судьбе.
 Все мы пассажиры одного парохода.
 Будьте милосердны к другим. И к себе.

1966 год

СИЛА ДУХА

Сила Духа дается нам свыше, и всем это ясно.
 На нее уповаем – на что же ещё опереться?
 Ничего спасительней, знаем, Судьба не даст нам,
 Одаряя вечных соперников – разум и сердце.

Полыхает сердце – оно, как известно, не камень,
 Да и к истине ближе порою, чем синтез или анализ.
 Я в железные клетки без страха вцеплялась руками,
 И они изумленно под напором моим раскрывались.
 Своя ноша не тянет, а чужую – попробуй, свежи-ка,
 И узнаешь доподлинно, много ль в тебе благородства.
 Данаид бездонные бочки да камень Сизифа –
 Это всё орудия нашего производства.

Разбивая руки и черпая воду ситом,
 Равно мы повторяем слова, что гудят струною,
 Той отважной девочки, за отвагу ее убитой:
 «Кто же, если не я» и «Кто любит меня – за мною!»
 Да пребудет со мною мужество присно и ныне,
 И когда повторяют мне, что пора смириться,
 Я сжимаю губы и надеюсь, что нет гордыни
 В моих вечных попытках поводья схватить колесницы.
 В чем истоки щедрости? Всем понятно участие
 Лишь к протянутой детской ручонке да нищей котомке.
 Но, бушующая, сыплет дары наркомания страсти,
 У которой в наличьи свои приходы и ломки.
 Погоди, Надежда, куда ж ты от нас уходишь?
 Погляди мне в глаза. Протяни свою теплую руку.
 Ведь мне надо порою твой шепот услышать всего лишь,
 Чтобы снова я тетиву натянула лука.
 Чтобы мчалась вновь по порогам жизни и меж них,
 К гриве времени буйной бесстрашно щекой припадая.
 Ты поведай мне: где пристанище душ мятежных?
 Разве меньше, чем кроткие души, они страдают?
 Может быть, правота моя просто туманом одета,
 Иль своих заблуждений цепкого не разорву плюща я?
 Но никто не может того сказать. Лишь ведает это
 Тот, кто руку кладет мне на голову, всё прощая.

27 февраля 2004 года

СЫН НЕБА

Сын Неба, сын Неба, где ты?..

А. Толстой. Аэлита

Голубоглазая шатенка ищет свою половинку.
Надеюсь найти мужчину без вредных привычек,
который полюбит меня такой, какая я есть.

Из газетного объявления

Неуёмные поиски голубоглазой шатенки
Мельтешат на страницах известнейшей местной газеты.
В объявлении брачном слегка лишь меняя оттенки,
Аэлитой кличет: сын Неба, сын Неба, о, где ты?..

А сын Неба сидит в своей тихой уютной квартире,
Что снимает с июля напротив старинного храма.
Здесь просторно и вольно звучать и гитаре, и лире,
И заснеженных елей чиста за окном панорама,

Ворох белых листов, что исписаны плотно стихами,
Соскользнул со стола он и веером лег на паркете.
Дважды в день просыпается светлая звонница в храме,
Чтобы смертным напомнить, что все перед Небом в ответе.

Ну, а ночью ликуют бессонные клубы ночные,
Похваляясь собою, как символом новой эры.
И звучат вместо звона церковного слоганы их зазывные
Приглашеньем к «Полету» у них или рыком «Пантеры».

Мир таков, как он есть. За столетия не изменился.
Это было и прежде – Содом и менялы у храма.
И, наверно, лишь тот и блажен, кто в себе или в келье укрылся,
Где заснеженных елей чиста за окном панорама.

Разве трудно сыскать его в доме на главном проспекте,
Цифрового замка одолев немудреные коды,
Чтоб спросить, мол, какую ценою достигнуть посмел ты
И исписанных плотно листов, и желанной свободы?

Это так. Непреложною истиной это бы стало, наверно,
И великим служеньем исписанной плотно странице,
Только вот и изломы души, да и выплески скверны
Мы уносим с собою, и в келье от них не укрыться.

Да и люди нужны нам! Недаром они столь фатально
В паутине всемирной и в прессе друг к другу зывают,
В вечной жажде общенья, а также и благ материальных.
Только Неба сыны – они редко таким обладают.

Обладают они лишь таким, чего нет в объявлениях,
 Объявлениях, далеких от звуков гитары и лиры, –
 Ворох белых листов претворить в неземное уменьем
 И дворец белокаменный сделать из съёмной квартиры.

Мы зависим земным естеством от насущного хлеба –
 В изобилии купайся иль пояс затягивай туже!
 Все мы, в сущности, Неба сыны или дочери Неба,
 Да не каждый за жизнь в себе это родство обнаружит.

Битву Зла и Добра предлагает для зрителя сцена,
 Только счастье – оно, как известно, рождается дома.
 И не только весь мир этой битвы извечной арена,
 Но и наша душа. И рабочие наши хоромы.

Только нам и решать, поклоняться ли благу иль скверне,
 И всю жизнь продолжается выбора этого драма.
 Ветви елей под снегом тихи.
 Зазвонили к вечерне.
 И рукою от окон подать до старинного храма.

Февраль 2008 года

ЯНВАРЬ 1991 ГОДА

Блажен, кто посетил наш мир
 В его минуты роковые –
 Его позвали всеблагие.
 Как собеседника на пир.

Ф. Тютчев

Снег повалил с небес, сухой и мелкий,
 и перестройка стала перестрелкой,
 Куда, зачем ушли благие сны?
 Не угадать, в преддверье рукопашной,
 Как на обломках Вавилонской башни
 Нам уцелеть до будущей весны.

И всё вокруг (как многие хотели!)
 Оббито шлейфом блоковской метели,
 А призраков собрался целый рой!
 И с европейским призраком известным
 Блуждает азиатский в мире тесном,
 И первый – знает, что сулит второй.

Агрессией пропитана бумага,
 Тротил разит сильнее, чем меч иль шпага,
 И каждый веру выбирает сам.
 Куда нам деться от такого шума?

Но это всё рассеется infumo
И – полетит к застывшим небесам.

Валюты размножаются делением,
Как нувориши в первом поколении,
А перекатная нищает голь,
Которой ни прикрыться, ни наестся
Талонами на моющие средства.
А самолеты все летят в Стокгольм.

Хоть всеблагие нас на пир позвали –
В блаженстве утопаем мы едва ли,
И редкий этой чаще горькой рад.
И то сказать: на рубище заплаты,
Бастующие шахты без зарплаты,
И митинг там, где прежде был парад.

«Зачем земные блага? Мы ведь гости!»
Но этот мир и радости, и злости –
Ведь он наш дом. Иного не дано.
И что нас ждет – эдем или геенна,
Но каждая минута здесь бесценна,
И небо смотрит каждому в окно.

Снег повалил с небес сухой и мелкий,
И перестройка стала перестрелкой,
Куда, зачем ушли благие дни?
Седая пыль с крутых небес несется,
Слагаются стихи, и сердце бьется,
И – гуще кровь воды или чернил.

22 января 1991 года

ДЕРЕВО

Ubi bene, ibi patria.
Где хорошо, там и родина.
Латинская пословица

Дерево не может убежать.
Никуда уйти оно не может.
Ни от губительной пилы ножа,
Ни от почвы, что всего дороже.

Жжет июль иль леденит январь,
От земли оно не оторвется.
От огня бежит живая тварь –
Дерево на месте остается.

Как бы ни было невоготу,
 Стужу терпит с ноября до мая,
 Устремясь вершиной в высоту,
 Ветви рук безмолвные ломая.

Можно жить в покое и в тепле,
 Если быть смелее и проворней.
 Но куда потащишь по земле
 Высохшие, вырванные корни?

«Там и родина, где хорошо», –
 Писано латинскими словами.
 И травинок мягких нежный шелк
 Укрывает землю под ветвями.

Шелест листьев, неба глубина,
 Прочный ствол, слегка поросший мохом...
 Родина у дерева одна,
 Будь на ней хоть хорошо, хоть плохо.

Пусть движенья лишено оно,
 Но при том, велением Природы,
 Постигает мир, где рождено,
 Светом постоянства и свободы.

2011 год

ПОЛОВОДЬЕ 1993 ГОДА

Г. М.

Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером
 Подышать свежим воздухом, веющим с океана.
 Закат догорал в партере китайским веером,
 И туча клубилась, как крышка концертного фортепьяно.

И. Бродский

Дорогой мой, я вышла из дома промозглым весенним утром
 Поглядеть на реку, где паводок правит тризну.
 Столько влаги в воздухе,
 Что солнце кажется мутным,
 Но отмыто до ясности то, что названо жизнью.

Третий год на исходе, как твой корабль отчалил,
 Нам, оставшимся здесь, уже поздно махать рукою.
 Долетит ли голос мой до того, кто уже утолил печали,
 На тот дальний остров,
 Вечного, как говорят, покоя.

Без тебя Атлантиду советскую смыло волною,
Залит луг, пузырится вода – ни дворцов, ни хижин,
Пролетев над Китайской, Кремлевской, Берлинской стеною,
Разберется время, кто выше строил, кто ниже.

Говорили мы: не увидим при нашей жизни
Неизбежные в будущем скорые перемены!
Вышло так и не так: ты не дожил до этой тризны,
Ну, а мне – довелось увидеть, как рухнули эти стены.

На высоком подиуме демократия входит в моду,
И парламентский крик заглушает стрельбу и стоны,
Накренился корабль, и кормою осел под воду:
Он пойдет на дно. Лучше сразу открыть кингстоны.

Есть на свете много такого, мой друг Горацио,
Что не снилось даже жрецам, экстрасенсам, магам,
Крутит паводок ключья афиш – конституций и деклараций,
А спектакль все идет – при закрытых дверях с аншлагом.

А на площади пусто. Никто туда не выходит.
Лишь стоит, простирая руку, стотысячный идол.
Репродукторы улиц кричат про время лихое.
А Урал, тот молчит – он еще не такое видел.

Ах, как кружит воду великое половодье!
Прошлогодние ветки вертит и палые листья!

Много смоем оно такого, что было хорошим вроде,
Оно много разрушит и много оно очистит.
Лишь бы только оно не подмыло деревьев корни,
Что питают их кроны, что жизнь нам несут и прохладу.
Если все это может исчезнуть в пучине черной,
Так уж лучше б все было, как было, – и перемен не надо?

Да ведь нас не спросит вода, что идет стеною
И смывает то, что нам дорого было и близко,
То, что было ценимо, бранимо, любимо тобой и мною,
А теперь погибает под сенью мутного диска.

Все барометры мира погоды той не предскажут,
Что дано воцариться на пространстве том пост-известном,
Тут законы смены формаций сыграют, иль будет, как фишка ляжет,
А пока среди избытка влаги – не сыщешь сухого места.

Дождик, дождик, ты нас не спасешь от «Великой Суши»,
Хоть, как в песенке детской, перестань или лейся пуще –

Двадцать пять миллионов тех, чьи тела и души
Были пропиты в день один в Беловежской пуще.

Все смелей и активней, хотя еще скрытно и тихо,
Шевелятся в тине алчные, смрадные гады.
Они тоже ждут, как вода им промоет выход,
А уж стоит им выплыть, – не ждите от них пощады!

А поодаль от берега, то высоко, то низко
Мошкара и стрекозы затевают шалые пляски.
В тех салонных лужицах вскоре вода закиснет
И подернется пленкой тошнотворной гламурной рыски.

Неразборчив и буен порой процесс очищенья.
Это давешний мусор несет вода иль грядущий?
Кто вины не избудет, а кто заслужил прощенье,
И кого ждут сети ловца иль – райские кущи?

Это все увидит тот, кто сегодня молод:
Много времени надо, чтоб мути осесть и тине.
Лед снесло давно, но вода сохранила холод,
Еще много раз солнцем ее нагреет и снова она остынет.

Может статься, и вправду в Добро откроются двери...
А пока без тебя что сказано может быть мною?
Век любви порой долговечнее века империй,
И выходит она за пределы жизни людской – как река весною.

Дорогой мой, я вышла из дома промозглым весенним утром
Поглядеть на реку, где паводок правит тризну.
Столько влаги в воздухе, что солнце кажется мутным,
Но отмыто до ясности то, что названо жизнью.

13 марта 1993 года

ВРЕМЯ ДУМАТЬ УЖЕ О ДУШЕ

Время думать уже о душе,
Ах, душа, до чего ж ты устала!
Всё, что есть, – это было уже,
И так много всего! И так мало.

Неужели всё это – итог,
И не будет ста лет продолженья?
Или благо – и звезды, и Бог,
И бессмертное это круженье.

19 декабря 2005 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ, ИЛИ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

И с тобою прощалась в весеннее половодье,
На исходе третьего года своей утраты,
Среди страшной разрухи, разлива реки и беды в народе,
С осознанием краха, в котором не мы виноваты.
Кто же ведать мог, что прольется небесная манна
На таких, как мы, утопающих в правде ли, в лжи ли?
Благо жизни второй мне Господь даровал неожиданно,
И не менее яркой, чем та, что мы вместе прожили.
Вновь утратив все, просветленно стою у порога,
А вокруг мутного диска зажегся серебряный венчик.
Если я смогла за жизнь свою потерять так много,
Это значит лишь то, что дано мне было не меньше.

2014 год

